

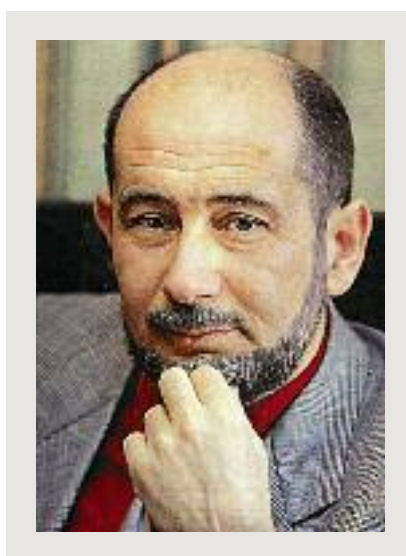
ГЛОБАЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС, его причины, параметры, особенности протекания и вероятные сценарии дальнейшего развития

Семинар Школы менеджмента «Бирюч» 25 февраля 2017 года

Тезисы выступления

Капиталистическая экономическая система должна по идее развиваться циклически, и раз в десять лет в ней должны случаться нормальные кризисы перепроизводства, поскольку происходит перенакопление капитала. После этого обновляется основной капитал. Раньше такое бывало раз в 10–15 лет. Подобное циклическое развитие продолжалось до Великой депрессии конца 20-х – начала 30-х годов минувшего века. Именно тогда наступило понимание того, что никакая рыночная экономика не может работать без серьезного общественного и государственного регулирования. После того как такое регулирование было введено и половина или, по крайней мере, треть экономики была выведена из-под рыночной конъюнктуры, возникла система, в которой кризисов не стало.

Александр Владимирович Бузгалин – доктор экономических наук, директор Института социэкономки Московского финансово-юридического университета

Прогресс произошел в тех сферах, в которых нет серьезных производственных инноваций, – в виртуальной сфере, в производстве разного рода гаджетов, в индустрии досуга. Креативный потенциал человека стал направляться на оптимизацию сугубо прикладных спекулятивных приемов и на совершенствование узко-профессиональных качеств

В результате мир полвека существовал без кризисов. Но капитал не хотел так жить, и в середине 70-х – начале 80-х годов произошел неоллиберальный рывок – государственное регулирование было резко уменьшено. В результате появилась сфера, в которой регулирования практически не осталось, – это сфера частных финансовых институтов. В ней образовалась возможность заниматься производством денег из ничего. Но это снова привело к перенакоплению капитала – возник гигантский финансовый пузырь. Складывается мир симулякров, в котором создается огромное количество благ, которые людям не нужны. В мир симулякров ушло огромное количество перенакопленного капитала. Этот капитал тормозил технический прогресс. Точнее, прогресс произошел в тех сферах, в которых нет серьезных производственных инноваций, – в виртуальной сфере, в производстве разного рода гаджетов, в индустрии досуга. То есть экономика знаний обратилась на обслуживание финансового посредничества, и креативный потенциал человека стал направляться на оптимизацию сугубо прикладных спе-

Капиталистическая экономическая система должна развиваться циклически, и раз в десять лет в ней должны случаться нормальные кризисы перепроизводства. Это продолжалось до Великой депрессии конца 20-х – начала 30-х годов минувшего века, когда наступило понимание того, что никакая рыночная экономика не может работать без серьезного общественного и государственного регулирования

кулятивных приемов и на совершенствование узкопрофессиональных качеств.

В результате получается специфическая модель, которую можно назвать попятным ходом. Человечество пошло в мир симулякров и псевдоблаг. Это – попятное движение, но оно выгодно для финансового капитала и для всех тех, кто с ним связан. Но главное заключается в другом: пойдя по пути десоциализации, мы открыли дорогу кризису. Возникла ситуация, когда финансовый сектор превалирует над сектором реальным. Причина этого достаточно проста. Простран-

ство для финансовых спекуляций практически безгранично. Точнее, оно ограничено только платежеспособным спросом населения, с одной стороны, и возможностью государства выпускать виртуальные денежные знаки или их суррогаты, с другой стороны. Вложения в финансовый сектор становятся гораздо более выгодными, чем в реальный сектор. В результате реальный сектор выполняет роль своего рода банка, который кредитует финансовые спекуляции.

В настоящий момент пока не просматривается сценария скорого исчезновения с мировой экономиче-

ской площадки транснациональных корпораций. Более того, конкуренция между ними имеет весьма специфический характер – она ведется по жестким и всеми соблюдаемым правилам. Будет продолжаться срачивание корпоративного капитала с государством и задействование всей мощи государственных институтов для защиты частных интересов. Но всё это не снимает угрозы возвращения кризиса, его нового витка по образцу того, что было в 2007–2009 годах.

Что касается нашей страны, то перед ней в контексте всего сказанного открываются три возможных сценария. Первый сценарий – это продолжение того же курса, каким мы следуем сейчас. Остается стагнация в экономике, консервируется отставание от ведущих стран. Второй сценарий – это то, о чем сейчас мечтают очень многие, но что, при всех видимых переменных, не приведет к существенной трансформации. Может быть запущена неоиндустриализация, в результате восстановятся какие-то сегменты промышленности совет- ➔

Может быть запущена неоиндустриализация, в результате восстановятся какие-то сегменты промышленности советского образца. Но при этом всё управление останется прежним – в ручном режиме. И разные субъекты политической власти просто разделят между собой участки, на которых можно будет конкурировать

→ ского образца. Но при этом всё управление останется прежним – в ручном режиме. И разные субъекты политической власти просто разделят между собой участки, на которых можно будет конкурировать. При этом реальная власть будет принадлежать по-прежнему крупным корпоративным структурам. Наконец, третий сценарий – романтический: мы используем нашу специфику для того, чтобы стать лидерами, но по-другому, не так, как Запад.

Глобализация – это нелинейный процесс. Она может нарастать – может падать, в одном месте ее становится больше – в другом меньше. Сегодня мы от старой неолиберальной глобализации переходим к миру формирующихся протоимперий и региональных объединений. Это один очевидный тренд. Но он не отменяет и другого очевидного тренда – нарастания противоречий, вызванных глоба-

лизацией. Например, между глобальным капиталом и дисперсным рынком рабочей силы.

Главный вопрос для России сегодня – это, как ни странно, вовсе не вопрос о том, где взять деньги, а вопрос о том, чего мы вообще хотим. Проблема в том, что у нас все хотят разного. Если нам ставится цель удвоить ВВП, то для ее реализации потребуется один набор действий. Если же мы хотим не просто удвоить ВВП, а создать, взрастить такие человеческие качества, которые могли бы стать универсальным двигателем прогресса, тогда от нас потребуются совершенно иной алгоритм действий. Надо всего лишь изучить и творчески позаимствовать опыт стран, находящихся сейчас на подъеме. Этот опыт чрезвычайно прост: утверждаются планы развития и правила, по которым эти планы будут реализовываться. Никому не допускается ме-

нять эти планы – ни президенту, ни премьер-министру, ни губернатору. А чтобы всё же поменять правила, надо провести общенародную дискуссию. Для государственного сектора должен существовать четкий план развития. В этой логике государственная корпорация, работающая в соответствии с рыночными критериями, – это нонсенс. Государство должно реализовывать общенародную цель, иначе оно становится неэффективным. У частного сектора – свое пространство действия. Государству надлежит гарантировать бизнесу свободу действий в этом пространстве, но вместе с тем и указывать ему те запретные зоны, в которые он не должен заходить. Никакой равноправной конкуренции не предусмотрено. Государство одним помогает, а другим мешает путем налогов, кредитов, таможенных условий или ситуационных правил игры. В результате происходит быстрая структурная перестройка экономики.

Необходимо полное изъятие природной ренты. Углеводородный бизнес не должен зависеть от цены на нефть. За определенную цену ему сдается в аренду участок, на котором организуется добывающий комплекс, и нефть закупается по определенной цене. В результате этот бизнес будет

получать среднюю прибыль – такую же, как производитель масла, станков, велосипедов. Надо создавать, воспитывать социально ответственный бизнес.

Очень важный вопрос – это экологические и социальные нормы, с которыми у нас в большинстве случаев довольно плохо, особенно в малом бизнесе. Такие элементарные вещи, как пятидневная рабочая неделя, восьмичасовой рабочий день, охрана труда, повышение квалификации за счет фирмы, оплачиваемый отпуск и так далее, не говоря уже о выплате заработной платы, – это есть аксиома даже не социально ответственного бизнеса, а просто нормального капитализма. Требование выплаты зарплаты – это требование реалистичности элементарной рыночной сделки. Если наемный работник не является собственником корпорации, то в

этом случае он заключил договор по продаже своей рабочей силы, причем в кредит и без процентов.

Крайне востребована институциональная революция, потому что у нас безобразные правила игры, которые постоянно меняются и очень запутаны. В этом вопросе левые едины с правыми, потому что у нас феодальная модель, когда управляют не по закону, а «по совести», по звонку губернатора, по звонку из администрации президента, по звонку из министерства. В таких условиях и бизнес работать не может, и социальная ответственность не складывается, и государственное регулирование не получается.

Налоговая реформа – это уже просто перезревшая проблема, дальнейшее затягивание ее решения чре-

вато самыми деструктивными последствиями. И дело тут даже не в том, чтобы просто снизить налоги на бизнес. Если это бизнес, который работает на общегосударственные цели, то тогда налог вообще может быть нулевым. Но если бизнес работает против этих целей, то налог должен быть максимальным, чтобы бизнес оттуда выдавливать и направлять его в те сферы, где он может приносить пользу. Вот это и называется гибкой налоговой политикой. Если вы в высоких технологиях – вы платите очень низкий налог. Если вы эксплуатируете работников на базе ручного труда, построили еще один перевалочный пункт или посредниче-

ствах обычно не больше 10 раз. Дальше вы можете получать доход из прибыли, но это будет уже совсем другое дело. Но базовая зарплата топ-менеджера не может превышать зарплату рабочего больше, чем в 10 раз. Этого вполне достаточно для стимулирования менеджера, который заинтересован в творческой деятельности. Если ему интересно управлять, интересно заниматься творчеством, если он радеет за корпорацию и не зациклен на идее поменять шестисотый «Мерседес» на «Роллс-Ройс». Менеджер, на самом деле, – тоже человек, причем творческий. И если его стимулировать только деньгами, то он начинает думать только о деньгах. А сделать больше денег в корпорации проще всего путем продажи ее секретов конкурентам. Коррупция гораздо более сильная и гораздо более развитая как раз в частном бизнесе, а не в госструктурах. Большинство менеджеров занимаются тем,

что вступают в коррупционные сделки. Знаменитая фраза Абрамовича:

«Не надо покупать завод, надо купить директора», – аб-

солютно правильная. Поэтому если менеджера не включить в управление системой, мотивировав его ценностями

социальной ответственности, совместной работы, коллективизма, солидарности, творческой самореализации, возможности роста, развития личностных качеств и так далее, он с большой вероятностью станет продавать своего нанимателя.

Сегодня очень мало думают о том, что творческий потенциал человека – это главное богатство России. На самом деле это именно так. Очень показательный пример, доказывающий справедливость этого утверждения: Индия получает доходов от продажи программного обеспечения намного больше, чем Россия – от продажи нефти и газа. Если бы мы вкладывали деньги в выращивание программистов и в их деятельность внутри России, мы уже сейчас жили бы намного лучше – и в материальном, и в творческом измерениях. **Ф**

Очень важный вопрос – это экологические и социальные нормы, с которыми у нас в большинстве случаев довольно плохо, особенно в малом бизнесе

скую деятельность осуществляете – платите очень высокий налог. Логика тут довольно простая.

Россия по-прежнему удивляет мир колоссальным по своему разбросу диапазоном оплаты труда. У нас топ-менеджеры и в государственных, и в частных корпорациях могут получать и в 100, и в 1000 раз больше средней зарплаты в фирме. Между тем в мировой практике в современной креативной корпорации разрыв в до-

Тезисы выступления

Размышления о кризисе лучше всего начать с критического описания того, что является его зеркальным отражением, – то есть прогресса. Все разговоры о прогрессе, которые ведутся в западной цивилизации на протяжении последних 200 лет, – это разговоры на языке религиозных традиций с линейным временем.

У истории не может быть никаких целей – это религиозная постановка вопроса. Другое дело, что история социальных систем – как и систем биологических, в отличие от процессов развития неживой материи, – имеет антиэнтропийный характер. Следовательно, постановка вопроса об усилении антиэнтропийного потенциала социальных систем вполне возможна. Однако в пространстве линейной логики и линейной телеологии говорить о прогрессе социальных систем всё равно не просто.

Например, в 1820-х годах валовой продукт Китая в два раза превышал валовой продукт Западной Европы. Но разве из этого следует, что Западная Европа с Англией в качестве ядра капиталистической системы начала XIX века была менее прогрессивна, чем Китай? Между тем Китай действительно по

Андрей Ильич Фурсов – кандидат исторических наук, директор Института системно-стратегического анализа, директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета, академик International Academy of Science (Инсбрук, Австрия)

валовому продукту превосходил Западную Европу. И то, что сейчас происходит с Китаем и с Индией, – это на самом деле возвращение исторического процесса на те пути, по которым он протекал с древности и до середины или конца XVIII века. Период господства Запада, на самом деле, чрезвычайно короткий.

Пирамида майя

Как определять критерии прогресса? Например, у ацтеков и у майя не было колеса, и в повседневном обиходе они не пользовались железными ножами. Были ли они из-за этого менее развитыми, чем, скажем, европейцы XVI века? Им просто колесо не было нужно, они решали задачи, связанные с вращательным движением, иначе. Или другой вопрос: какая система более прогрессивная – феодальная или капиталистическая? Казалось бы, однозначно капиталистическая. Между тем для основной массы населения капиталистическая эпоха с самого ее начала и до рубежа XIX и XX веков – это социальный ад. И только чуть более века назад ситуация начала выправляться – да и то лишь для ядра капиталистической системы, которое стало решать свои проблемы за счет ограбления периферии: в результате периферия стала жить значительно хуже, чем до капитализма. То есть прогресс ядра был обеспечен регрессом периферии. У нас почему-то всегда, когда говорят о прогрессивности капитализма, представляют себе Швецию, США, Францию. Но ведь Гаити, Нигерия, Эквадор, Индонезия, южная часть Индии – это тоже капиталистическая система. Иными словами, сама постановка вопроса о прогрессивности той или иной социальной системы всегда упирается в вопрос о критериях.

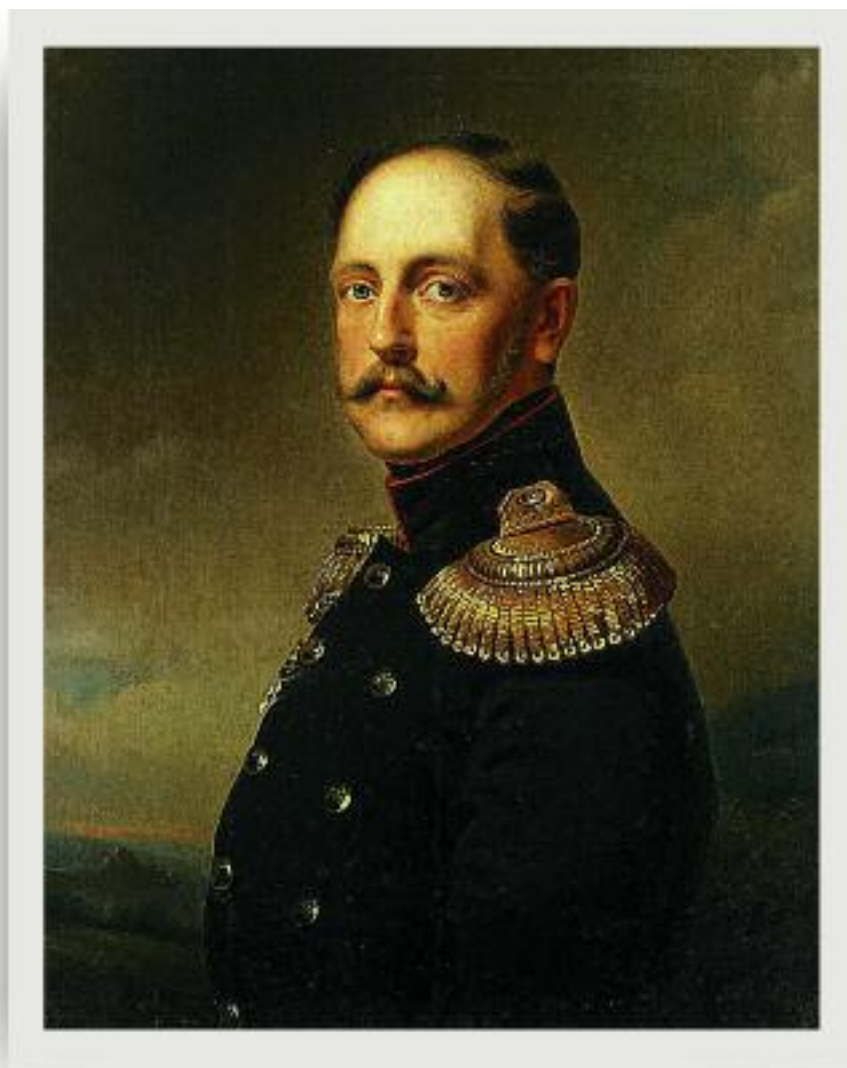
Если взять историю России, то у нас было 4 относительно спокойных – при этом не скажу, что счастливых, –

Как определять критерии прогресса? Например, у ацтеков и у майя не было колеса, и в повседневном обиходе они не пользовались железными ножами. Были ли они из-за этого менее развитыми, чем, скажем, европейцы XVI века? Им просто колесо не было нужно, они решали задачи, связанные с вращательным движением, иначе

тридцатилетия, когда накапливался социальный жирок. Первое тридцатилетие – это первая треть XVI века, ког-

да почти не было войн, за исключением 1514 года, когда мы потерпели страшное поражение от литовцев, но тем не менее в ту пору была спокойная жизнь, наблюдался экономический рост. Второе тридцатилетие – последняя треть XVII века, то есть время непосредственно перед петровскими преобразованиями. Затем было тридцатилетие замечательного русского царя Николая I, которого обогнали точно так же, как Ивана Грозного и Иосифа Сталина. И наконец, последнее счастливое тридцатилетие – 1955–1985 годы. Но вместе с тем ни одно из этих тридцатилетий не было беспроблемным. В одном проявлялся прогресс, а в другом – регресс. Поэтому я вообще стараюсь не употреблять термин «прогресс». В реальности мы имеем дело с трансгрессом – то есть с прогрессом в одной сфере и для одной группы и с регрессом в другой сфере и для другой группы. В этом отношении у Станислава Ежи Леца есть хороший афоризм: «Считать ли это прогрессом, если людоед научился пользоваться ножом и вилкой?» Можно привести и еще одно высказывание на сей счет – американского социолога Баррингтона Мура-младшего из его книги «Социальные истоки диктатуры и демократии. Роль помещика и крестьянина в создании современного мира». Он писал: «Революции рождаются не столько из победного крика восходящих классов, сколько из предсмертного рева тех слоев, над которыми вот-вот сомкнется волна прогресса».

Теперь о мировом кризисе. Мировая капиталистическая система вступила с 1970-х годов в состояние системного кризиса терминального характера: капитализм свой потенциал исчерпал, и в нем появилось много такого, что противоречит самой капиталистической системе, а самое главное – капитал перестал нуждаться в тех ограничителях, в единстве с которыми он и конституировал капиталистическую систему. Кроме того, капиталистическая система – как в свое время и экстенсивная античная рабовладельческая система – породила на своей периферии огромную массу населения, с которой она просто ничего не может сделать. Отсюда и одна из главных затей Римского клуба – сокращение населения планеты до полутора-двух миллиардов. Именно поэтому сейчас особое значение приобретают разнообразные экологические движения и

В истории России было 4 относительно спокойных тридцатилетия. Первое тридцатилетие – это первая треть XVI века, когда почти не было войн, была спокойная жизнь, наблюдался экономический рост. Второе тридцатилетие – последняя треть XVII века, то есть время непосредственно перед петровскими преобразованиями. Затем было тридцатилетие замечательного русского царя Николая I (на иллюстрации). И наконец, последнее счастливое тридцатилетие – 1955–1985 годы

идеологии, которые представляют собой цельную и последовательно реализуемую программу фактического геноцида.

Так, World Wildlife Fund, по сути, реализует политику, которую можно назвать защитой природы путем расчистки планеты от человека. Человек признается одним из биологических видов, и какой-нибудь паучок на Амазонке имеет, согласно этой доктрине, точно такие же права, как и чело-

век. А принц Филипп, герцог Эдинбургский, – муж британской королевы Елизаветы II, – который долгое время курировал Всемирный фонд дикой природы, откровенно признался, что «хотел бы вернуться на Землю смертоносным вирусом, чтобы раз и навсегда избавиться ее от лишнего числа едоков». Сейчас, например, World Wildlife Fund занят сохранением генетического наследия одного каннибальского племени, проживающего на границе между Венесуэлой и Бра- ➔

→ зилией. Доказывается с привлечением всей мощи современных СМИ, что сохранение жизненного пространства этого племени очень важно для поддержания разнообразия планеты. То есть экологизм как идеология позднекапиталистической элиты – это, если называть вещи своими именами, идеология геноцида большей части населения планеты.

Необходимо отметить новые тенденции в развитии производительных сил позднекапиталистического общества, связанные с изменением соотношения вещественных и не вещественных (информационных) факторов производства. Капитал есть овеществленный труд, реализующий себя в качестве самовозрастающей стоимости, тогда как сегодня решающую роль приобретают информационные (нематериальные) факторы производства, которые Маркс в свое время назвал «духовными производительными силами». Следовательно, посткапиталистическая неэгалитарная система, планируемая нынешними «хозяевами истории» (Бенджамин Дизраэли), должна основываться на отчуждении именно нематериальных факторов производства. Она будет стремиться к тому, чтобы сохранить свою монополию на знания – этот главный фактор производства. Что для этого надо сделать? Во-первых, разрушить образование и низвести его до очень низкого уровня. Во-вторых, разрушить науку и сконцентрировать научные исследования в абсолютно закрытых центрах. То

Принц Филипп (на фото), герцог Эдинбургский, – муж британской королевы Елизаветы II, – который долгое время курировал Всемирный фонд дикой природы, откровенно признался, что «хотел бы вернуться на Землю смертоносным вирусом, чтобы раз и навсегда избавить ее от лишнего числа едоков»

есть лишить образование и науку той доступности для широких масс населения, какая еще сохраняется сейчас. Вводится и соответствующая новая система организации науки – когда всё

решает политика выдачи или, соответственно, невыдачи грантов.

Совершенно отдельный вопрос – контроль над ресурсами, которых становится всё меньше. Очевидно, что наиболее эффективной силой, способной осуществлять этот контроль, является государство. Но даже полусуверенных государств в мире не так много. Те же Соединенные Штаты не вполне суверенны, потому что после ползучего переворота, который начался убийством Кеннеди и завершился импичментом Никсона, США превратились из государства в преимущественно кластер транснациональных корпораций. Не вполне суверенное государство и Китай. То же самое можно сказать и о нас, хотя нам

определенный суверенитет гарантирует обладание ядерным оружием. Евросоюз – это вообще не государство. Но даже частичный суверенитет США, Китая и России мешает окончательному утверждению нового мирового порядка, управляемого крупнейшими корпорациями. Однако в складывающейся геополитической обстановке, когда мир начинает распадаться на макрорегионы и возрастает угроза войны, совсем разрушать государства нельзя. Поэтому здесь нужны какие-то другие варианты.

Вообще у любой нелинейной системы есть три варианта развития. Вертикальный – собственно развитие, горизонтальный – застой, обратный, попятный – деградация. Сейчас –

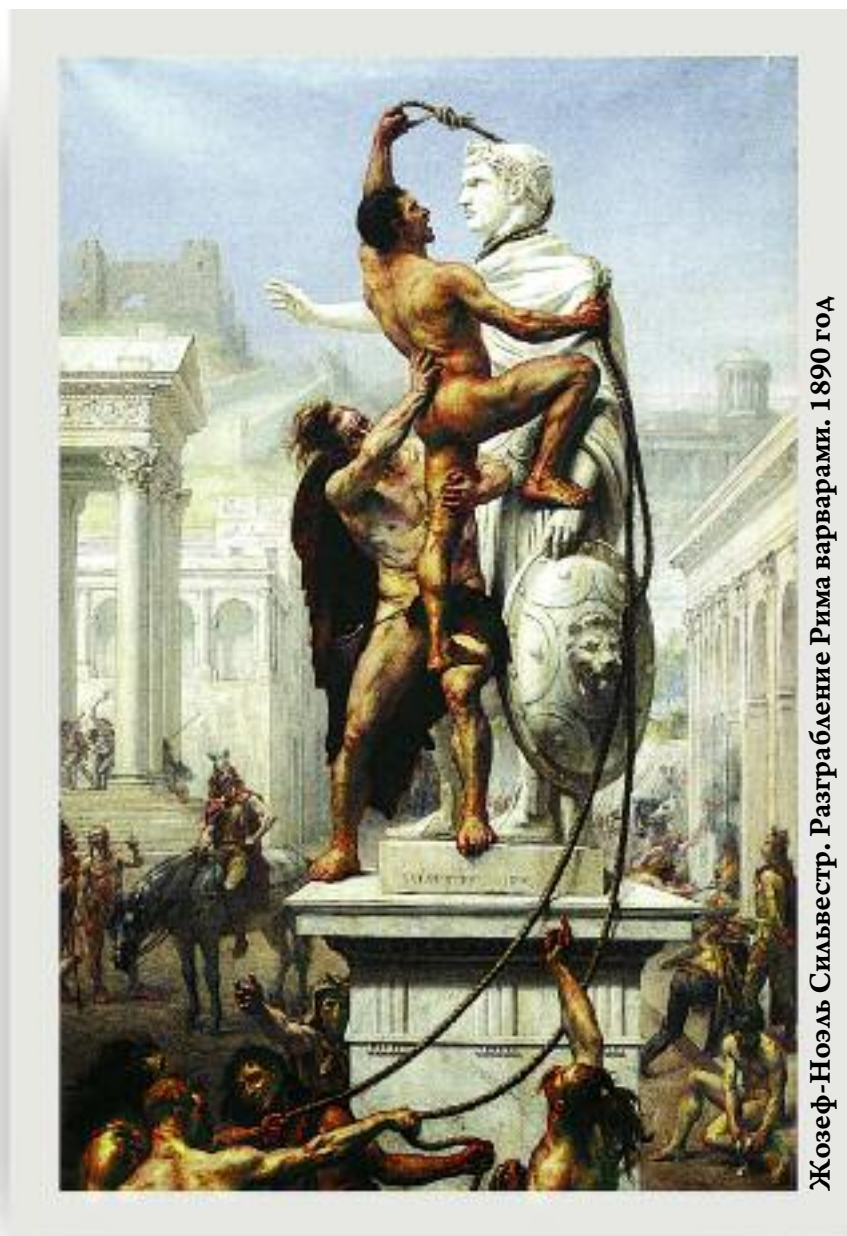
Даже полусуверенных государств в мире не так много. Те же Соединенные Штаты не вполне суверенны, потому что после ползучего переворота, который начался убийством Кеннеди и завершился импичментом Никсона (на фото), США превратились из государства в преимущественно кластер транснациональных корпораций

после победы Трампа – можно с уверенностью сказать, что на какой-то весьма продолжительный период времени выбран застойный сценарий.

Реиндустриализация Америки, о которой говорит Трамп, – это на самом деле продолжение прежнего курса, только другим способом. Это способ оттянуть решение проблемы, но не решение как таковое. И дело тут не в победе условных «промышленников» над условными «финансистами». Просто стратегически Запад находится сейчас примерно в таком же положении, в каком был Рим со времен Траяна и Адриана, – когда была утрачена стратегическая инициатива и осуществлялся переход от наступления к обороне.

Огромная демографическая масса из Латинской Америки, Африки и с Ближнего Востоке давит на Запад и превращает его в своего рода пост-Запад. Это означает, что сам ход развития западной цивилизации времен капитализма сломлен – и это очень существенно меняет конфигурацию кризиса, который помимо классового приобретает еще и расовый характер. Нас ждет повторение того, что произошло полторы тысячи лет назад: пришли варвары и смели прогнивший античный мир. При этом античный мир внутренне уже был готов к приходу варваров – в нем была мода на варварскую одежду, его видные полководцы были из варваров. То же самое ждет Запад и сейчас. Пройдет еще 10–15 лет, и немецкая армия будет состоять в основном из турок и курдов, а французская – из африканцев и арабов. Арнольд Тойнби в свое время сказал, что Запад погубит союз внешнего и внутреннего пролетариата, подразумеваемая под пролетариатом, естественно, совсем не то, что этот термин означает в марксизме.

При этом никуда не делись и другие проблемы. Налицо неуклонное падение производительности капитала. Целые зоны перестают быть рентабельными из-за бегства капитала, при этом нет средств и механизмов принудительного воспроизводства ликвидности, потому что государство уходит из этого процесса. И наступает нечто вроде тепловой смерти. Другая нарастающая проблема, как отмечают аналитики, – тотальная административная зарегулированность: управленческий механизм генерирует такой объем нормотворческой информации, который в итоге блокирует каналы обратной связи, управление перестает отвечать на внешние вызо-

Жозеф-Ноэль Сильвестр. Разграбление Рима варварами. 1890 год

Сам ход развития западной цивилизации времен капитализма сломлен – и это очень существенно меняет конфигурацию кризиса, который помимо классового приобретает еще и расовый характер. Нас ждет повторение того, что произошло полторы тысячи лет назад: пришли варвары и смели прогнивший античный мир

вы. Наконец, происходит деградация образования и мышления. «Информационное общество» – в кавычках, естественно, – оказалось неспособным решить проблему адаптации объемов поглощаемой информации к приобретенному на ее основе знанию ввиду ограниченных возможностей человеческого мозга. Это ведет к деградации управленческой элиты. Нельзя не согласиться с теми, кто отмечает: процессы выработки и принятия решений перестают быть адекватными, руководи-

тели всех уровней всё глубже погружаются в ту или иную виртуальную версию происходящего, которая со временем начинает всё более кардинально расходиться с реальностью. Отсюда – невозможность выработки альтернативных сценариев. Это происходит во всех странах, в том числе и в России.

Но в России есть и целый ряд других проблем. Приведу лишь такую статистику. Примерно 89 процен →

Чтобы выжить, режиму надо иметь массовую поддержку, репрессивный аппарат и готовую идеологию. Однако подобного комплекта у олигархических режимов, как правило, не оказывается под рукой, и им остается плыть по волнам

→ тов всего национального богатства принадлежит группе из 105 тысяч миллионеров и 96 миллиардеров. При этом износ основных фондов промышленности составляет 53 процента, в добывающей отрасли – 65 процентов, в коммунальной сфере – 70–80 процентов. Доходы населения стремительно падают. И на этом фоне встает задача заретушировать этот невероятный социальный и вообще бытийный разрыв. Способ здесь один – если говорить о том, чтобы именно заретушировать, а не решить проблему, – усилить патриотическую риторику. Но патриотизм должен опираться на достижения, однако все наши значимые и знаковые исторические достижения – из советской эпохи. Получается, что капиталистический патриотизм должен апеллировать к достижениям социалистической эпохи, а это нонсенс.

Имеется и целый ряд внешнеполитических проблем. Например, наши отношения с Китаем и с США. Возникает вопрос: это отношения каких режимов? Все три режима – кланово-олигархические, а потому по определению неспособны задать новую мировую повестку развития, а ведь только задающий такую повестку становится подлинным лидером развития, в том числе развития мирового. На основе кланово-олигархического капитализма у России нет будущего. Эти режимы нежизнеспособны, что показали и позднесоветская, и позднесамодержавная эпохи. К тому же всякий раз, когда у режима возникают существенные трудности, олигархи очень быстро откупаются головами главных начальников, как это произошло с Николаем II и в мягкой форме с Горбачевым. Но самый серьезный изъян таких режимов заключается в том, что

их как слабое звено и балласт сбрасывают более сильные олигархические режимы в условиях мировых кризисов.

В 2006 году я написал статью «Корпорация-государство». Это понятие не следует путать с корпоративным государством. Корпоративные государства – это Третий рейх и муссолиниевская Италия. В понятии «корпорация-государство» существительное выступает по своей функции в качестве прилагательного. Корпорация-государство функционирует как корпорация, главная задача которого – отсечь от общественного пирога максимальное количество населения данной страны. Это принципиально новая форма государственности. Дальше наступает просто уже отмирание государства. Структурная единица организации корпорации-государства – это клан. Поэтому корпорация-государство является той самой формой, в которой существует олигархический капитализм.

Чтобы выжить, режиму надо иметь массовую поддержку, репрессивный аппарат и готовую идеологию. Однако подобного комплекта у олигархических режимов, как правило, не оказывается под рукой, и им остается плыть по волнам, как об этом блестяще написал в одном из своих романов Олег Маркеев, описывая ельцинскую администрацию: «Новые обитатели здания из шустриков президентской администрации представлялись Максимуму нелепыми пингвинами, сдуру залезшими на макушку айсберга. Они могли всласть гадить на нем, составлять свое представление о мире, в котором живут, устанавливать свои законы для прочих обитателей птичьего базара, даже считать, что они прокладывают курс айсбергу. Но он нес их, повинувшись невидимым глубинным течениям. Его миром был океан, который не объять птичьим умом». То есть вывод простой: если играть на мировой арене всерьез, нужно понимать, как устроен мир и как он функционирует. Это – необходимое условие. Достаточным условием является такое изменение (желательно сверху) природы и структуры режима, которое обеспечит единство интересов верхов и низов на основе разделяемых целей и ценностей. Разумеется, это легче декларировать, чем сделать, но кто сказал, что история и борьба за существование в ней – легкий процесс? **FB**